

Евгений Борисов

Об одном термине из «*Sein und Zeit*»

В данной заметке я хочу рассмотреть одну переводческую проблему, обусловленную хайдеггеровской стратегией словоупотребления в «Бытии и времени», и ее решение, предложенное В.В. Бибихиным. Разворачиваемая в тексте онтология *Dasein* воплощена и определенным образом выражается, по Хайдеггеру, в повседневном языке, и эта генетическая связь между онтологической «понятийностью» и повседневным языком (между онтологией и «предонтологическим пониманием бытия») в «Бытии и времени» не только описывается, но и *демонстрируется* самим описанием. Например, многие термины Хайдеггера не только взяты из повседневной лексики, но и получают терминологическое значение не через «дефиниции», но через демонстрацию их употребления в стандартных для повседневного языка высказываниях или фразеологических оборотах. Язык «*Sein und Zeit*» оказывается двухуровневым: систематизированная терминология опирается на лексику и идиоматику повседневного языка, что, с одной стороны, обеспечивает ясность изложения в оригинале (прозрачность «феноменальных оснований» выдвигаемых тезисов), но вместе с тем делает перевод терминологии на другие языки совершенно головоломной задачей. Вот характерный фрагмент из § 18 трактата:

Was soll aber dann Verweisung besagen? [...] Seiendes ist daraufhin entdeckt, daß es als dieses Seiendes, das es ist, auf etwas verwiesen ist. Es hat *mit* ihm *bei* etwas sein Bewenden. Der Seinscharakter des Zuhandenen ist die *Bewandtnis*. In Bewandtnis liegt: bewenden lassen mit etwas bei etwas. Der Bezug des «mit... bei...» soll durch den Terminus Verweisung angezeigt werden.

Bewandtnis ist das Sein des innerweltlichen Seienden, darauf es je schon zunächst freigegeben ist. Mit ihm als Seiendem hat es je eine Bewandtnis. Dieses, daß es eine Bewandtnis mit... bei... hat, ist die *ontologische* Bestimmung des Seins des Seienden, nicht eine ontische Aussage über das Seiende. Das Wobei es die Bewandtnis hat, ist das Wozu der Dienlichkeit, das Wofür der Verwendbarkeit¹.

Здесь термин «Bewandtnis» вводится следующим образом: разъясняя понятие *отсылания* как бытийной характеристики подручного сущего, Хайдеггер использует фразеологические обороты повседневного языка, в которых фигурируют однокоренные слова «bewenden» и «Bewandtnis», после чего слово «Bewandtnis», не имеющее в повседневном языке самостоятельного значения (оно употребляется только в данных идиомах), получает терминологическую нагрузку. Начало приведенной цитаты показывает, что термины *Verweisung* и *Bewandtnis* (в переводе В.В. Бибихина *отсылание* и *имение-дела* соответственно) тождественны, и введение последнего термина в дополнение к первому объясняется, видимо, не только его иллюстративной функцией, но и тем, что с ним сопряжена речевая конструкция «mit... bei...», позволяющая вербально зафиксировать связь отсылания от вещи к ее пригодности (так молоток отсылает к действию, для которого он пригоден – забиванию гвоздей). В этой конструкции «mit» указывает на рассматриваемую вещь; «bei» – на то, к чему она пригодна. Соответственно, при передаче этого пассажа перед переводчиком встает комплекс задач: 1) подобрать для термина «отсылание» иллюстративную идиому, разъясняющую пригодность вещей как «подручных» средств для чего-то²;

¹ *Heidegger M. Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. S. 83ff.

² При этом важно, чтобы идиома не имела субъективистских коннотаций – см. об этом ниже.

2) найти соответствие для предложной связки «mit... bei...»; 3) на этой основе подобрать эквивалент для термина «Bewandtnis». В.В. Библихина предлагает следующее решение:

Что однако должно тогда говорить отсылание? [...] Сущее открывается в видах того, что оно как это сущее, какое оно есть, без чего-то не может. С ним всегда в чем-то дело. Характер бытия подручного есть *имение-дела*. В имении-дела лежит: допустить иметь дело, которое в чем-то, с чем-то. Отношение «в чем... с чем...» должен означать термин отсылание.

Имение-дела есть то бытие внутримирного сущего, в которое оно всегда уже ближайшим образом высвобождено. С ним как сущим всегда в чем-то дело. Это, что имеется-дело, есть *онтологическое* определение бытия этого сущего, не онтическое высказывание о сущем. *То-с-чем имеется-дело* есть *к-чему* пригодности, *для-чего* применимости³.

Главный недостаток данного варианта – помимо неестественности выражения «имение-дела» – состоит, по моему мнению, в том, что в большинстве случаев, когда мы говорим, что «дело в том-то» или спрашиваем «в чем дело?», мы «тематически» имеем в виду некоторую трудность, проблему: если автомобиль остановился, то, возможно, *дело в* (причина заключается в) неисправности двигателя. В этом смысле словосочетание «дело в...» больше подошло бы для передачи хайдеггеровского тезиса об объективации подручного сущего в ситуациях, когда оно не выполняет свою обычную функцию (выходит из строя, теряется, оказывается не на своем месте и т.п.). Не случайно В.В. Библихин использует это словосочетание только в начале приведенного фрагмента, когда терминологически вводится конструкция «Bewandtnis mit... bei...» («дело с... в...»), и отказывается от него при передаче последующих хайдеггеровских разъяснений. Вот продолжение цитаты:

С *к-чему* пригодности опять же может иметься свое дело; напр. с этим подручным, которое мы соответственно именуем молотком, имеют дело при забивании, с этим последним имеют дело

³ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: «Слово о сущем», 2002. С. 83-84.

при закреплении, с тем при защите от непогоды; защита «есть» ради крова для присутствия, т.е. ради возможности его бытия. *Какое* дело имеют с подручным, это всякий раз намечено из целостности имения-дела⁴.

Как видим, здесь переводчик опирается уже на иное выражение: «иметь дело с... при...». Смысловое различие между «дело в...» и «[иметь] дело с... при...» очевидно: первое указывает на связь причины и следствия; последнее – на связь между вещью и ее применимостью (с молотком мы имеем дело при забивании гвоздей). Этот переход от одной предложной конструкции к другой не мотивирован текстом оригинала (где постоянно используется одна и та же конструкция «mit... bei...») и, думаю, существенно затрудняет понимание фрагмента – и без того звучащего довольно вычурно для русского уха – русскоязычным читателем. (В скобках замечу, что путаница с предлогами усугубляется здесь ошибкой в предложении «*То-с-чем* имеется-дело есть *к-чему* пригодности, для-чего применимости»: вместо «то-с-чем» [Wobei] здесь должно быть «при-чем»; то, к чему вещь пригодна, для чего она применима, – это не то, *с чем* мы имеем дело, а то, *при чем* мы имеем дело, когда имеем дело с вещью. Это «одноразовая» и, очевидно, случайная ошибка; в дальнейшем – в том числе и в приведенной цитате – «bei» везде передается как «при».)

Может быть, можно было уже при первом вхождении термина «Bewandtnis» использовать выражение «[иметь] дело с чем-то *при* чем-то»? Например, вместо «С ним всегда в чем-то дело» – «С ним всегда имеют дело *при* чем-то»? Так решалась бы задача унификации предложных конструкций, но тогда здесь возникла бы другая трудность. Возможно, В.В. Библихин отверг этот напрашивающийся вариант, потому что термин вводится Хайдеггером в контексте безличного предложения (*Es hat mit ihm bei etwas sein Bewenden*), что для его языковой стратегии существенно, поскольку безличные предложения позволяют что-то сказать о функции вещей в человеческом обиходе, избегая вместе с тем отсылок к действующей субъек-

⁴ Там же. С. 84.

ективности. Выражение «иметь дело с...» в контексте предложения требует определенного подлежащего, которое с неизбежностью породило бы субъективистские коннотации: в русском языке/мышлении иметь дело с чем-то может *тот, кто действует*, – дело «с чем-то при чем-то» не может просто «иметься», подобно тому как может «смеркаться»⁵. Проблему не решает даже отсутствие подлежащего (как в примере с молотком: «С этим подручным... имеют дело при забивании»), поскольку в данном случае отсутствующее подлежащее *подразумевается* и, как подразумеваемое, оно указывает, опять же, на действующую инстанцию⁶.

Таким образом, использованные В.В. Библихиным идиомы, связанные со словом «дело», в каждом конкретном контексте позволяют решить только одну из двух переводческих задач: передать предложную конструкцию «mit... bei...» или ввести термин, эквивалентный немецкому «Bewandtnis», в контексте безличного предложения. По моему мнению, удачное решение этой проблемы было предложено Joan Stambaugh во втором английском переводе «Sein und Zeit». Термин «Bewandtnis» она передает как «relevance»⁷, чему в русском языке лучше всего соответствует «уместность». При использовании этого варианта предложная конструкция «с... при...» сокращается до одного предлога (молоток уместен при забивании гвоздей), но это не вредит содержанию фрагмента: предлог «при» указывает на отсылание, о котором идет речь, вполне отчетливо. Не кажется мне принципиальным и то обстоятельство, что оборот «Es hat mit ihm bei etwas sein Be-

⁵ Характерно, что в цитированном предложении «Это, что имеется-дело, есть онтологическое определение бытия этого сущего...» предложная конструкция «с... при...» отсутствует (в оригинале: «...daß es eine Bewandtnis mit... bei... hat...»).

⁶ Впрочем, дело здесь не только в синтаксических особенностях выражения «иметь дело с...», но и в значении самого существительного «дело»: в отличие от немецкого «Bewenden» (от «wenden» – поворачивать, обращать, вращать, разворачиваться...), которое, будучи превращено в термин, легко может приписываться вещам как их характеристика, «дело», как и «имение дела» такому приписыванию сопротивляется.

⁷ Heidegger M. Being and Time. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1996. P. 78.

wenden» в этом случае переводился бы не безличным предложением: «Оно (сущее) уместно *при* чем-то», – поскольку подлежащее этого предложения обозначает внутримировое сущее (вещь, средство) и, следовательно, лишено субъективистских коннотаций. Конечно, здесь появляется отсутствующая в немецком термине отсылка к «месту» (Ort), но она вполне согласуется с терминологическим значением слова, имеющим также топическое измерение: в § 22 «Бытия и времени» феномен места связывается с подручностью вещей, то есть с их включенностью в сеть связей отсылания.

В заключение несколько слов о русскоязычном «Бытии и времени» в целом. Я не возьмусь судить о том, насколько отчетливое представление о содержании оригинала дает этот перевод, отмечу только, что, по моему (вполне субъективному) опыту, с этим текстом трудно работать в учебной аудитории. Но для меня очевидно, что в «лаборатории» переводчика он может использоваться в высшей степени продуктивно. Этот беспрецедентный по уровню продуманности – и по степени приближения к решению сверхзадачи перевода – труд я определил бы как эксперимент, имеющий целью испытание выразительных возможностей, предоставляемых русским языком для решения парадоксальной задачи «пересадки» философской мысли. Практически в каждом абзаце текста – при тщательной, строчка за строчкой, сверке с оригиналом – обнаруживаются интересные находки и изобретения, которые, независимо от того, какие из них утвердятся в русском философском языке, заслуживают внимания как инструменты решения возможных переводческих задач. Если в этой заметке я выбрал для анализа фрагмент, допускающий критику, то только потому, что в нашем деле критика является наиболее продуктивной формой рецепции.